

Разграничивая ответственность: анализ проблемы низкооплачиваемых работников с позиций теории равных возможностей

Франц Марина Валерьевна

Уфимский университет науки и технологий, Россия, e-mail: tan-marina@mail.ru

Бородин Александр Иванович

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, e-mail: aib-2004@yandex.ru

Дзюба Евгений Иванович

Республиканский ресурсный центр «Семья» Министерства семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан, Уфа, Россия, e-mail: intellectRus@yandex.ru

Губарев Роман Владимирович

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, e-mail: gubarev.roma@yandex.ru

Цитирование: Франц М.В., Бородин А.И., Дзюба Е.И., Губарев Р.В. (2026). Разграничивая ответственность: анализ проблемы низкооплачиваемых работников с позиций теории равных возможностей. *Terra Economicus* 24(2), 117–134. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-2-117-134

Данная работа посвящена анализу проблемы низкооплачиваемых работников с позиций теории равных возможностей. На данных проекта LiTS (волны 2016–2017 и 2022–2023 гг.) проводится межстрановой сравнительный динамический анализ распространенности низкооплачиваемой занятости в постсоциалистических странах, а также неравенства возможностей в отношении попадания в сегмент низкооплачиваемого наемного труда. Для измерения неравенства возможностей используется параметрическая методика с прямым подходом к оценке, вклад отдельных факторов-обстоятельств определяется с применением разложения по Шепли. Результаты исследования показали, что по изучаемой проблеме ситуация в среднем значительно лучше в странах – членах ЕС по сравнению с постсоветскими странами. Так, в среднем доля работающих на низкооплачиваемых рабочих местах в 2016–2017 гг. составляла 16,7% и 23,5%, в 2022–2023 гг. – 11,46% и 28,44% соответственно в странах – членах ЕС и постсоветских странах. Средний уровень неравенства возможностей в 2016–2017 гг. в странах – членах Евросоюза составил 0,1418, в постсоветских странах – 0,1805. В 2022–2023 гг. эти показатели составили соответственно 0,1225 и 0,2013. Вклад факторов-обстоятельств в формирование неравенства возможностей значительно варьирует по странам. В большинстве постсоветских стран наблюдается значительный вклад образования родителей (Армения, Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия, Таджикистан и Узбекистан). При этом для стран – членов Евросоюза (Германия, Греция, Латвия, Польша, Словения и Словакия) наряду с образованием родителей также характерен и высокий вклад возраста.

Ключевые слова: Россия; постсоветские страны; страны ЕС; низкооплачиваемый наемный труд; работающие бедные; неравенство возможностей; факторы-обстоятельства

Delineating responsibility: Analyzing the low-wage worker problem from an equal opportunity theory perspective

Marina Frants

Institute of social and Economic Research of the UFRC of the RAS, Ufa, Russia, e-mail: tan-marina@mail.ru

Aleksander Borodin

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, e-mail: aib-2004@yandex.ru

Evgeniy Dzyuba

Republican Resource Center «Family» of the Ministry of Family, Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia, e-mail: intellectRus@yandex.ru

Roman Gubarev

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, e-mail: gubarev.roma@yandex.ru

Citation: Frants M., Borodin A., Dzyuba E., Gubarev R. (2026). Delineating responsibility: Analyzing the low-wage worker problem from an equal opportunity theory perspective. *Terra Economicus* 24(2), 117–134 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-2-117-134

This paper deals with the issue of low-income workers from the point of view of equal opportunities theory. Using data from LiTS (2016–2017, 2022–2023), we conduct a comparative analysis of the prevalence and inequality of low-paid employment in post-communist countries. A parametric approach with direct estimation is used for measuring inequality, and individual circumstances are determined using Shapley's decomposition. The study found that, on average, EU member states have a better situation than post-Soviet states regarding the issue. For example, the share of people employed in low-paying jobs was 16,7% and 23,5% in 2016–2017, with 11,46% and 28,44% in 2022–2023 in EU and post-Soviet countries, respectively. Inequality of opportunities was 0,1418 in EU countries and 0,1805 in post-Soviet countries in 2016–2017. In 2022–2023, these figures were 0,1225 and 0,2013, respectively. Circumstances contribute significantly to inequality in most post-Soviet countries (Armenia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, Russia, Tajikistan and Uzbekistan), especially parental education. However, age also plays a role in EU states (Germany, Greece, Latvia, Poland, Slovenia and Slovakia).

Keywords: Russia; post-Soviet countries; EU member states; low-wage paid labor; working poor; inequality of opportunity; circumstantial factors

JEL codes: D63, B23, J31, D31, E24

Введение

В настоящее время известно значительное количество научной литературы, посвященной проблемам рынка труда в различных странах мира. Одной из острых тем в этой области, вызывающей значительную общественную полемику, является проблема низкооплачиваемых рабочих мест. В рамках этой тематики три взаимосвязанных вопроса представляют наибольший интерес.

Первый вопрос касается масштабов этого явления и его социально-экономических последствий, второй – факторов, предопределяющих занятость индивидов в низкооплачиваемом сегменте рынка труда и, наконец, третий вопрос посвящен мобильности низкооплачиваемых работников. В последнем случае изучается, как долго люди «задерживаются» в этом сегменте и куда из него переходят (в сегмент с более высоким уровнем оплаты труда или становятся безработными).

Анализ масштабов низкооплачиваемой занятости по странам мира свидетельствует о значительной вариации этого показателя. Так, в частности, по данным Евростата¹, в 2022 г. у 14,7% работников ЕС почасовая оплата труда составила менее 2/3 национального медианного значения (в данном исследовании именно такой критерий применяется для отнесения рабочего места к низкооплачиваемой категории). При этом наибольшая доля таких работников среди стран Евросоюза наблюдалась в Болгарии (26,8%), Румынии (23,9%), Латвии (23,3%), наименьшая – в Португалии (1,8%), Швеции (4,1%) и Финляндии (6,5%). К настоящему времени накоплен значительный объем исследований, указывающий на связь низкооплачиваемой занятости с бедностью (Mussida, Sciulli, 2025; Bavaro, Raitano, 2024), проблемами со здоровьем (Аникин, Слободенюк, 2021; Слободенюк и др., 2023; Пугачев, 2023; Тощенко, 2024) и повышенными рисками производственного травматизма (Бобков, Вередюк, 2021; Леонидова, 2022).

Необходимо выделить группу работ, посвященных мобильности низкооплачиваемых работников. В них внимание фокусируется на изучении того, чем является низкооплачиваемая занятость: ступенью на пути к высокооплачиваемой работе, обусловленной необходимостью накопления человеческого капитала, или «ловушкой», в которой работники либо надолго «застревают», либо «кружат» в цикле низкооплачиваемой работы и безработицы. Среди таких исследований особенно интересной выглядит работа М. Шультца (Schultz, 2019), в которой анализ восходящей мобильности выполнен по данным США за длительный период времени, а именно 1968–2014 гг. Согласно полученным результатам, более половины низкооплачиваемых работников в США в течение четырех лет улучшают свое положение, перемещаясь на рабочие места с уровнем почасовой оплаты, превышающим 2/3 от медианного значения. Однако автор отмечает тенденцию снижения восходящей мобильности с конца 1990-х гг., особенно среди работников, занятых физическим трудом. Анализ мобильности низкооплачиваемых работников в России на данных РМЭЗ ВШЭ за 2002–2016 гг. представлен в работе В.Е. Гимпельсона с соавторами (2018). Согласно полученным результатам, 66,7% низкооплачиваемых работников в России в течение года не удается перейти на высокооплачиваемую работу, причем для женщин эффект ловушки проявляется сильнее, чем для мужчин. Эффект трамплина хотя и проявляется, но касается лишь каждого четвертого работника.

Данное исследование в большей мере сфокусировано на анализе факторов риска низкооплачиваемой занятости. Тема не является принципиально новой. Однако в рамках данного исследования предпринята попытка изучить эту проблему с необычного ракурса, а именно: с позиций теории равных возможностей. В этой теории любое человеческое достижение рассматривается как результат, обусловленный двумя группами факторов. Первую группу формируют факторы, контролируемые индивидом, и поэтому они относятся к зоне персональной ответственности (факторы-усилия), вторая группа – это неподконтрольные факторы (факторы-обстоятельства). С позиций теории равных возможностей обусловленность индивидуальных достижений факторами второй группы (неравенство возможностей) рассматривается, во-первых, как несправедливость, а во-вторых, как источник демотивации индивидов к реализации своего потенциала. В связи с этим обществу необходимо стремиться если не к ликвидации, то, по крайней мере, к уменьшению неравенства возможностей.

Трактовка индивидуального достижения в теории равных возможностей очень широка. Так, в качестве достижения может рассматриваться все, что представляется ценным большинству людей: высокий уровень дохода и потребления, имущественный статус, хорошее образование и здоровье и т.д. В данной работе непопадание в низкооплачиваемую занятость рассматривается как индивидуальное достижение, частично обусловленное неконтролируемыми индивидом факторами, а частично являющееся результатом его собственных решений и усилий. Следуя универсальному подходу, применяемому в эмпирических исследованиях, посвященных неравенству возможностей, в данной работе в качестве факторов-обстоятельств учитываются сле-

¹ Евростат (2023). https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Earnings_statistics (дата обращения: 15.07.2025).

дующие неконтролируемые характеристики: образование родителей, место рождения, пол и возраст. Их совокупное влияние на риск низкооплачиваемой занятости дает оценку уровня неравенства возможностей. Использован информационный массив международного проекта *Life in Transition Survey (LiTS)*, реализуемого Европейским банком реконструкции и развития² (волны 2016–2017 и 2022–2023 гг.). Этот массив содержит данные по ряду постсоциалистических стран, что позволяет проводить межстрановой динамический сравнительный анализ масштабов, особенностей и неравенства возможностей в отношении риска низкооплачиваемой занятости.

Таким образом, целью данной работы является оценка неравенства возможностей в отношении риска низкооплачиваемой занятости в постсоциалистических странах. Для достижения поставленной цели решается ряд задач:

1) изучается динамика доли низкооплачиваемых работников в постсоциалистических странах. Проводится сравнительный анализ этого показателя в государствах Евросоюза и постсоветских странах;

2) измеряется уровень неравенства возможностей в постсоциалистических странах и изучается его динамика;

3) производится оценка вклада факторов-обстоятельств в формирование неравенства возможностей в различных странах мира.

Данная работа построена следующим образом. В следующем разделе излагаются основные идеи теории равных возможностей и перспективность их применения к проблеме низкооплачиваемых рабочих мест. Далее представлен обзор работ, посвященных изучению влияния факторов, традиционно находящихся в фокусе внимания теории равных возможностей с акцентом на оценке вероятности попадания индивида в сегмент низкооплачиваемой занятости. Затем раскрываются методика и информационная база исследования. Потом приводятся результаты расчетов и их обсуждение. В завершение работы обсуждаются ограничения данного исследования и перспективы его дальнейшего развития.

Теория равных возможностей и потенциал ее применения к исследованию проблемы низкооплачиваемых рабочих мест

Теория равных возможностей сформировалась во второй половине XX в. путем развития эгалитарных теорий социальной справедливости (Rawls, 1971; Dworkin, 1981a, 1981b; Arneson, 1989; Cohen, 1989). Эта теория базируется на следующей идее. Индивид должен нести ответственность исключительно за то, что зависит от него самого, т.е. за личные взгляды, решения, поведение и поступки. Следовательно, в справедливом обществе различия в уровне индивидуальных достижений, вызванные факторами, находящимися в зоне персональной ответственности, справедливы и должны сохраняться (принцип естественной награды). Напротив, неравенство возможностей, т.е. различия в уровне индивидуальных достижений, обусловленные внешними факторами-обстоятельствами, являются несправедливыми и должны быть элиминированы в справедливом обществе (принцип компенсации).

Фундаментальной проблемой теории равных возможностей является проблема границы ответственности, т.е. определение принципа, позволяющего относить факторы в зону персональной ответственности или внешних обстоятельств. В работе П. де Барроса с соавторами (Barros et al., 2009) представлена современная классификация факторов в зависимости от степени несправедливости и наличия общественного консенсуса в плане необходимости их компенсации мерами государственной политики. Во-первых, выделяются генетически обусловленные врожденные таланты и неполноценности. Несправедливость различий в уровне индивидуальных достижений, обусловленных этой группой факторов, является предметом научной дискуссии, которая не завершена до сих пор среди апологетов теории равных возможностей. Одни из них настаивали на компенсации факторов в связи с их неконтролируемостью, а другие считали, что эти факторы формируют человеческую индивидуальность и поэтому не нуждаются в компенсации. Вторая группа факторов – это факторы социальной дискриминации, ответственные за различия в достижениях у людей, демонстрирующих одинаковую производительность. Типовыми примерами факторов этой группы являются пол, раса и национальность. Несправедливость дискриминации считается обще-

² Европейский банк реконструкции и развития. Международный проект Life in Transition Survey. <https://www.ebrd.com/home/what-we-do/office-of-the-chief-economist/lits/life-in-transition-survey-data.html> (дата обращения: 15.07.2025).

признанной, но готовность выделять общественные ресурсы на борьбу с этим явлением сильно различается в зависимости от страны. И, наконец, выделяется группа базовых факторов-обстоятельств, возникающих на ранних стадиях жизни и имеющих значительное влияние на благосостояние индивида в зрелом возрасте. К таким факторам относятся характеристики родительской семьи, а также социальные, экономические, культурные и другие параметры того локального пространства, где проходит детство и юность индивида. В отношении базовых факторов-обстоятельств существует общественный консенсус как в плане несправедливости порождаемого ими неравенства, так и необходимости выделять общественные ресурсы и достижимости элиминации их влияния на современном уровне социального и технического развития.

Нерешенность проблемы границы ответственности создает ощутимые трудности для эмпирических работ по тематике неравенства возможностей. В сущности, каждый исследовательский коллектив должен самостоятельно решить, какие факторы включать в анализ в качестве обстоятельств. В этом плане определенный интерес представляет работа З.Ф. Ибрагимовой и М.В. Франц (2021), в которой представлен обзор информационной базы исследований, посвященных измерению неравенства возможностей в отношении доходов. Авторы установили, что образование родителей и/или их профессиональный статус, пол индивида и тип территории – места его рождения – наиболее часто учитываются в качестве факторов-обстоятельств. Включение других переменных (место жительства, национальность, раса, возраст, материальный статус родительской семьи, количество в ней детей и т.д.) носит опциональный характер. Также авторы указывают на то, что оценка неравенства возможностей обычно производится на основе данных масштабных неспециализированных социологических опросов. Поэтому выбор включаемых факторов в основном осуществляется по принципу «что есть в данных».

В данном исследовании занятость на низкооплачиваемой работе предлагается рассматривать через призму теории равных возможностей. Это предполагает разграничение детерминант риска низкооплачиваемой занятости на те, которые находятся под контролем самого индивида (например, уровень полученного образования, миграционные решения, сфера занятости), и внешние по отношению к нему факторы-обстоятельства, традиционно рассматриваемые в рамках теории равных возможностей. Это, прежде всего, характеристики родительской семьи и локального жизненного пространства, в котором проходило детство и юность человека, а также факторы социальной дискриминации.

Обзор работ, посвященных анализу факторов риска в отношении низкооплачиваемой занятости

Подход с позиций теории равных возможностей редко встречается в работах, посвященных тематике низкооплачиваемой занятости. Известно некоторое количество близких «по духу» работ. Например, под эгидой Всемирного банка на данных *LiTS I*, выполнено исследование, посвященное изучению неравенства возможностей на рынке труда в странах Европы и Центральной Азии (Abrás et al., 2013). Авторы применили несколько индикаторов, отражающих достижения индивидов на рынке труда, включая наличие работы с занятостью свыше 20 часов в неделю в течение шести месяцев и более, наличие работы с заключением трудового договора, в том числе с фиксированной заработной платой или самозанятостью в профессиональной сфере. В качестве факторов-обстоятельств учитывались пол и принадлежность индивида к национальному меньшинству, образование отца, принадлежность родителей к коммунистической партии. Согласно расчетам, уровень неравенства возможностей значительно варьирует по странам. При этом среди 29 государств наиболее высокий уровень неравенства возможностей наблюдался в Азербайджане. Далее идут Узбекистан, Грузия, Турция и Албания. Вклад факторов-обстоятельств также значительно отличается по странам, но в большинстве случаев наиболее значителен вклад пола и образования отца.

В отчете ЕБРР³ проводится анализ неравенства возможностей в доступе к «качественным» рабочим местам. Под ними авторы понимают занятость, обеспечивающую стабильный высокий доход. Наличие качественного рабочего места признавалось за индивидом, работающим по трудовому договору и заявляющим о том, что его доходов хватит для покрытия непредвиденных трат в размере

³ Transition report, 2016–2017. Transition for all: Equal opportunities in an unequal world. London: European Bank for Reconstruction and Development. <https://www.ebrd.com/home/news-and-events/publications/economics/transition-reports/transition-report-2016-17.html#> (дата обращения: 15.07.2025).

10 долл. США в день. Анализ выполнен на данных *LiTS III* (2016–2017 гг.), где в качестве факторов-обстоятельств учитывались пол, место рождения (город/село), принадлежность к национальному меньшинству, образование родителей и их членство в коммунистической партии. Согласно расчетам авторов, наибольший уровень неравенства возможностей среди 34 государств наблюдался в Азербайджане. Также он был высоким в Боснии и Герцеговине, Болгарии, Румынии и Молдове. В этой работе получен целый ряд интересных результатов, касающихся связи неравенства возможностей с другими индикаторами рынка труда. Во-первых, неравенство возможностей находится в обратной связи с уровнем безработицы. Во-вторых, страны с высоким неравенством возможностей демонстрируют большие различия в уровне занятости мужчин и женщин. По-видимому, наличие барьеров в доступе к высококачественным рабочим местам демотивирует женщин заниматься трудовой деятельностью.

Работа Э. Эйбраса с соавторами (Abrás et al., 2013) и вышеупомянутый отчет ЕБРР наиболее близки подходу, реализованному в данном исследовании, в связи с тем, что они посвящены сравнительному межстрановому анализу неравенства возможностей в отношении доступа к рабочим местам на рынке труда. При этом существует пласт исследований, посвященных выявлению факторов, влияющих на вероятность попадания работников в низкооплачиваемый сегмент.

Так, в ранее упомянутой работе В.Е. Гимпельсона с соавторами (2018) применяется регрессионный анализ для изучения факторов риска низкооплачиваемой занятости в РФ. Установлено, что женский пол, низкий уровень образования, возраст старше 55 лет, проживание в сельской местности и городах, не являющихся крупными региональными и федеральными центрами, занятость в сельском хозяйстве, менее квалифицированный профессиональный статус, а также низкооплачиваемая занятость в предыдущем году являются факторами риска. В статье, выполненной на данных по Италии за 1990–2018 гг., было выявлено, что женщины, молодые работники, жители южных регионов, а также занятые неполный рабочий день в небольшой фирме ряда отраслей (строительство, гостиничный бизнес и ресторанное дело) чаще сталкиваются с риском низкой зарплаты (Bavaro, Raitano, 2024). Другое исследование посвящено анализу неполной занятости (работа менее 30 часов в неделю) как фактора, влияющего на шанс перейти из сегмента низкооплачиваемой занятости в высокооплачиваемый сегмент в Великобритании (Nightingale, 2019). Помимо неполной занятости, в анализ включены пол, образование, сфера занятости, размер предприятия, а также длительность работы на низкооплачиваемом рабочем месте. Согласно полученным результатам, неполная занятость, работа в общественном секторе, на малом предприятии, а также большая длительность пребывания в сегменте низкооплачиваемой занятости уменьшают шансы перехода на высокооплачиваемую работу как для мужчин, так и женщин.

Как следует из обзора литературы, при анализе факторов риска попадания в сегмент низкооплачиваемой занятости в фокусе внимания обычно находятся индивидуальные характеристики (пол, образование, возраст, место жительства), а также особенности рабочего места (отраслевая принадлежность рабочего места, полная/неполная занятость, квалификационные требования, размер предприятия). Факторы, находящиеся в фокусе внимания теории равных возможностей, такие как родительская семья и характеристики локального жизненного пространства, в котором проходили детство и юность индивида, не принимаются во внимание. Два неконтролируемых обстоятельства (пол и возраст) обычно включаются в анализ и показывают свою значимость как факторы риска низкооплачиваемой занятости. Исследуемые факторы классифицируются и по другим основаниям, степень их контролируемости индивидом не обсуждается. Вышесказанное подтверждает актуальность данного исследования.

Дизайн и гипотезы исследования

В силу того что применяемый в работе информационный массив содержит данные по набору постсоциалистических стран за два периода (2016–2017 и 2022–2023 гг.), помимо собственно измерения неравенства возможностей в отношении риска попадания в категорию низкооплачиваемых работников в каждой стране в оба рассматриваемых периода, было выполнено и деление стран на две группы (страны Евросоюза и постсоветские страны) и проведен сравнительный групповой анализ неравенства возможностей. Такой подход в целом свойственен работам, основанным на данных *LiTS*, хотя принцип группировки может варьироваться.

Подобный дизайн исследования позволяет выдвинуть и проверить следующие гипотезы.

Первая гипотеза (H_1): средняя доля работающих на низкооплачиваемых рабочих местах в странах – членах ЕС существенно ниже, чем в постсоветских странах. Причем в динамике будет наблюдаться сокращение значения показателя для первой из вышеуказанных групп стран и, наоборот, рост во второй группе стран.

Вторая гипотеза (H_2): средний уровень неравенства возможностей значительно выше в постсоветских странах по сравнению со странами – членами ЕС. Причем в динамике ожидается рост межгруппового «разрыва» по средним величинам.

Такие гипотезы выдвинуты, исходя из традиционно сложившегося представления о том, что страны – члены ЕС априори являются экономически развитыми, а постсоветские страны – только экономически развивающимися.

Информационная база и методика

Работа построена на анализе данных международного проекта *Life in Transition Survey (LiTS)*, реализуемого Европейским банком реконструкции и развития⁴. В рамках этого проекта социологические опросы с применением единого инструментария проводятся с периодичностью примерно один раз в шесть лет более чем в 30 странах мира. Работа основана на данных двух последних волн, т.е. *LiTS IV*⁵ и *LiTS III*⁶. Анализ данных проводился для стран, участвовавших в обеих волнах и принадлежащих к одной из двух групп: 1) постсоветские страны (Россия, Беларусь, Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Киргизстан, Молдова, Таджикистан и Узбекистан) и 2) страны – члены Европейского союза (Венгрия, Германия, Греция, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия и Эстония).

Как отмечалось ранее, в данной работе изучается неравенство возможностей в отношении попадания в группу лиц, занимающих низкооплачиваемые рабочие места, что, в свою очередь, предполагает конкретизацию способа выделения такой группы. Что касается этого аспекта, за основу принят методологический подход Гимпельсона с соавторами (2018). В их исследовании занятости на низкооплачиваемых рабочих местах, по данным РМЭЗ ВШЭ, учитывались респонденты, положительно ответившие на вопрос о наличии работы, указавшие размер своего трудового дохода (за месяц) и количество отработанных часов (в неделю) по основному месту работы. На основании данной информации рассчитывалась почасовая ставка оплаты труда (путем деления трудового дохода на количество отработанных часов, умноженных на 4,5). Далее из выборки исключались 0,5% наблюдений с аномально низкими и высокими значениями почасовой ставки оплаты труда, с высокой вероятностью содержащие ошибки измерения. В группу лиц, занимающих низкооплачиваемые рабочие места, были отнесены работники, у которых почасовая ставка оплаты труда составляла менее 2/3 от медианного значения.

Используемый массив данных позволяет включить в анализ основные факторы-обстоятельства, обычно принимаемые во внимание при исследовании неравенства возможностей в отношении доходов: максимальный уровень образования родителей, пол, возраст, место рождения респондента. Описательная статистика для соответствующих показателей представлена в приложениях 1 и 2.

Как видно из приложений 1 и 2, структура выборки существенно варьирует по странам. Во многом это объясняется разной половозрастной структурой населения и структурой экономики исследуемых стран. Также наблюдаются значительные межстрановые различия по уровню образования родителей. В рамках проекта *LiTS* применяется универсальная образовательная шкала для всех стран, включающая восемь градаций: нет образования; начальное образование; неполное среднее образование; полное среднее образование; образование выше среднего общего, но ниже высшего; высшее образование (не университетский диплом); степень бакалавра или выше; степень магистра или *PhD*. С целью проведения необходимых расчетов категории 1–3 были объ-

⁴ Европейский банк реконструкции и развития. Международный проект *Life in Transition Survey*, указ. соч.

⁵ *LiTS IV* (2024). Опрос проводился в 37 странах мира в 2022–2023 гг. Общий объем наблюдений составил 37478, примерно по 1000 наблюдений для каждой страны из выборки. <https://www.ebrd.com/home/what-we-do/office-of-the-chief-economist/lits/life-in-transition-survey-data.html> (дата обращения: 15.07.2025).

⁶ *LiTS III* (2018). Опрос проводился в 33 странах мира в 2016–2017 гг. Общий объем наблюдений составил 51206, примерно по 1500 наблюдений для каждой страны из выборки. <https://www.ebrd.com/home/what-we-do/office-of-the-chief-economist/lits/life-in-transition-survey-data.html> (дата обращения: 15.07.2025).

единены в одну группу (основное общее и ниже), как и категории 6–8 (высшее образование и выше). Возможно, в связи с существенными различиями в образовательных системах такая группировка не является оптимальной для некоторых стран мира. Отсюда и значительные межстрановые различия в структуре образования родителей.

Общая схема измерения неравенства возможностей подробно рассматривается в работе Ф. Феррейры и В. Перажина (Ferreira, Peragine, 2015). В обобщенном виде модель взаимодействия достижений, обстоятельств и усилий можно представить следующим образом:

$$y_i = g(C_i, E_i, \varepsilon_i), \quad (1)$$

где y_i – достижение i -го индивида; C_i – вектор значений факторов-обстоятельств; E_i – вектор значений факторов-усилий; ε_i – случайная ошибка.

Предполагается, что факторы-усилия, в свою очередь, могут частично зависеть от факторов-обстоятельств:

$$E_i = f(C_i, U_i), \quad (2)$$

где U_i – случайный вектор.

Для измерения неравенства возможностей на основе эмпирических данных получают контрфактическое распределение достижения $\{\tilde{y}^c\}$, очищенное от вариации, обусловленной усилиями, но сохраняющее вариацию, вызванную обстоятельствами. Затем, применяя определенную меру неравенства I , оценивают неравенство в $\{\tilde{y}^c\}$, а величина $I(\{\tilde{y}^c\})$ выступает в качестве абсолютной меры неравенства возможностей. Альтернативой является обратный вариант – сначала получают распределение $\{\tilde{y}^e\}$, очищенное от вариации, обусловленной факторами-обстоятельствами, но сохраняющее вариацию, вызванную усилиями. Затем, применяя определенную меру неравенства I , оценивают неравенство в $\{\tilde{y}^e\}$, а величина $I(\{y\}) - I(\{\tilde{y}^e\})$ выступает в качестве абсолютной меры неравенства возможностей. Первый подход в литературе обычно называют прямым, второй – косвенным.

Известные методики оценки неравенства возможностей различаются, во-первых, в части построения контрфактического распределения, во-вторых, выбором индекса неравенства. Если для получения контрфактического распределения необходима спецификация уравнения связи между достижениями, усилиями и обстоятельствами, а также применяется регрессионный анализ для оценки коэффициентов, то такую методику называют параметрической. Если спецификация не требуется, то методику признают непараметрической.

Конструирование контрфактического распределения в значительной степени предопределяется типом переменной достижения. Наибольший объем эмпирических исследований в области неравенства возможностей посвящен оценке неравенства возможностей в отношении доходов, когда переменная достижения является количественной непрерывной. Для решения этой задачи в литературе предложено большое количество методик, и параметрических, и непараметрических, базирующихся как на прямом, так и на косвенном подходе к оценке. Однако в случае применения бинарной переменной достижения методический инструментарий весьма ограничен.

Работой, в которой была предложена методика измерения неравенства возможностей в отношении качественной бинарной переменной достижения, является исследование де Барроса с соавторами (de Barros et al., 2009), в котором содержится анализ неравенства возможностей в доступе детей к основным общественным услугам: начальному образованию, качественной питьевой воде, электричеству, вакцинации и т.д. Индикаторы доступности базовых общественных сервисов представляют собой бинарные переменные. Предложенную в этой работе методику можно классифицировать как параметрическую методику с прямым подходом к оценке.

Для описания связи между бинарной переменной достижения и факторами-обстоятельствами и факторами-усилиями в рассматриваемой методике применяется бинарная логит- или пробит-регрессия:

$$P(y_i = 1) = F(C_i \cdot \alpha + E_i \cdot \beta + \varepsilon_i), \quad (3)$$

где $P(y_i = 1)$ – вероятность того, что бинарная переменная достижения примет значение, равное 1; $F(\cdot)$ – функция Лапласа в случае пробит-регрессии, логистическая функция в случае логит-регрессии.

Зависимость факторов-усилий от факторов-обстоятельств, в свою очередь, описывается системой линейных уравнений:

$$E_i = C_i \cdot B + U_i, \quad (4)$$

где B – матрица коэффициентов.

Подставляя уравнение (4) в уравнение (3) и проводя несложные преобразования, получаем уравнение (5). В литературе по методам измерения неравенства возможностей оно обычно называется уравнением короткой регрессии:

$$P(y_i = 1) = F(C_i \cdot (\alpha + B \cdot \beta) + u_i \cdot \beta + \varepsilon_i) = F(C_i \cdot \varphi + \vartheta_i), \quad (5)$$

где ϑ_i – случайная ошибка; $\vartheta_i = u_i \cdot \beta + \varepsilon_i$; φ – вектор регрессионных коэффициентов; $\varphi = \alpha + B \cdot \beta$.

Прогнозные значения $\hat{p}_i = F(C_i \cdot \hat{\varphi})$, рассчитанные по этой модели, представляют собой оценки вероятности того, что бинарная переменная достижения принимает значение, равное единице, при заданном наборе значений факторов-обстоятельств. Вариация прогнозных значений предопределяется только факторами-обстоятельствами, поэтому распределение $\{\hat{p}\}$ можно применить в качестве $\{\hat{y}^c\}$. Для оценки вариации в распределении $\{\hat{p}\}$ де Баррос с соавторами предлагают применить специально разработанный индекс диссимилиации (DI), рассчитываемый по формуле:

$$DI(\hat{p}_i) = \frac{1}{2n\bar{\hat{p}}_i} \cdot \sum_{i=1}^n |\hat{p}_i - \bar{p}|. \quad (6)$$

Таким образом, в этой методике $DI(\{\hat{p}\})$ представляет собой оценку неравенства возможностей. Позднее в другой работе (Chávez-Juárez, Soloaga, 2015) было предложено применять не обычный, а модифицированный индекс диссимилиации (MDI) в качестве меры неравенства. Последний показатель рассчитывается по формуле:

$$MDI(\hat{p}_i) = \frac{2}{n} \cdot \sum_{i=1}^n |\hat{p}_i - \bar{p}|. \quad (7)$$

В данном исследовании применяется методика, предложенная де Барросом с соавторами (de Barros et al., 2009), в сочетании с модифицированным индексом диссимилиации. Для оценки вклада факторов-обстоятельств в неравенство возможностей применялось разложение по Шепли.

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках данной части работы приводятся результаты собственного эмпирического исследования и проверяются выдвинутые гипотезы. Основные результаты включают оценку: 1) динамики доли работающих на низкооплачиваемых рабочих местах; 2) изменения уровня неравенства возможностей и 3) оценку вклада факторов-обстоятельств в формирование неравенства возможностей в разных странах мира.

Доля работающих на низкооплачиваемых рабочих местах по странам представлена на рис. 1.

Как видно из этого рисунка, по данным за 2022–2023 гг. наименьшая доля работающих на низкооплачиваемых рабочих местах наблюдается в Польше, Германии и Греции, а наибольшая – в Азербайджане, Узбекистане и Киргизии. Средний уровень в странах – членах Евросоюза $11,46 \pm 5,24\%$, в постсоветских странах – $28,44 \pm 7,21\%$, различия в средних статистически значимы ($t = 6,388$; $p < 0,001$). За 2016–2017 гг. наименьшая доля работающих на низкооплачиваемых рабочих местах наблюдалась в Словении, Словакии и Польше, а наибольшая – в Молдове, Киргизии и Грузии. Средний уровень в странах – членах Евросоюза $16,74 \pm 5,15\%$, в постсоветских странах – $23,51 \pm 6,14\%$, различия в средних также статистически значимы ($t = 2,813$; $p = 0,011$). Из приведенных средних

величин для каждого периода видно, что первая гипотеза (H_1) подтвердилась. Действительно, по-прежнему средние величины доли работающих на низкооплачиваемых рабочих местах для постсоветских стран существенно выше, чем для стран ЕС как в 2016–2017, так и 2022–2023 гг.

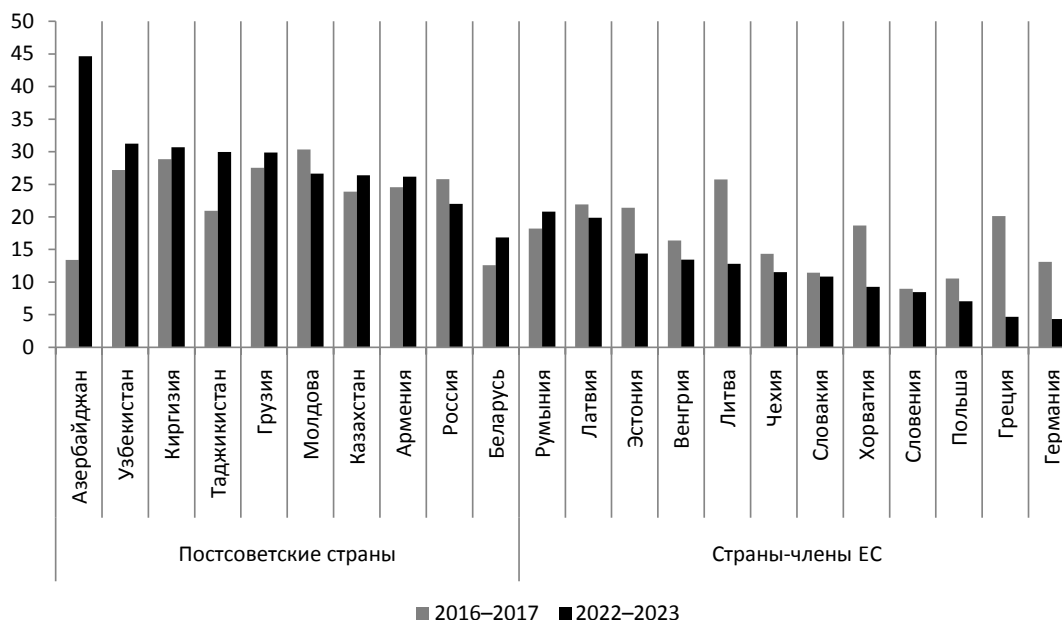

Рис. 1. Доля работающих на низкооплачиваемых рабочих местах, %

Источник: составлено авторами по данным *LiTS III* и *IV*.

Выявлена тенденция роста такого «разрыва» не только по средним величинам, но и в разрезе отдельных стран мира из разных групп.

Также из данных рис. 1 видно, что если во всех странах Евросоюза за исключением Румынии доля работающих на низкооплачиваемых рабочих местах сократилась в динамике (за 2022–2023 гг. по сравнению с 2016–2017 гг.), то для постсоветских стран (кроме Молдовы и России) этот показатель, наоборот, возрос.

Результаты регрессионного анализа приведены в таблицах в приложениях 3–6. Как видно из таблиц, по данным за 2022–2023 гг. значимость включенных в анализ факторов-обстоятельств в формировании неравенства возможностей значительно варьирует по странам. В большинстве стран коэффициент для категории «пол – женский» положителен. Причем в десяти странах, включая Россию, он положителен и статистически значим. Отсутствуют государства, где бы этот коэффициент был отрицателен и значим. Это указывает на то обстоятельство, что женщины при прочих равных условиях имеют больший по сравнению с мужчинами риск оказаться среди низкооплачиваемых работников. Коэффициенты при категории переменной «возраст» не демонстрируют никакого общего поведения: имеются страны, в которых все коэффициенты незначимы, в остальных странах значимые положительные и отрицательные коэффициенты разбросаны по разным возрастным группам. Это может объясняться разной возрастной структурой населения и межстрановыми различиями в отраслевой структуре национальных экономик. Факт рождения в сельской местности в большинстве стран (14 из 22) не играет значимой роли в отношении попадания в группу низкооплачиваемых работников, в остальных странах этот фактор является значимым. Уровень образования родителей не оказывает значимого влияния на попадание в группу низкооплачиваемых работников в восьми странах, однако в большинстве стран этот фактор является значимым. Результаты регрессионного анализа на данных за 2016–2017 гг. в целом схожи с выводами, полученными на данных за 2022–2023 гг.

Результаты измерения неравенства возможностей представлены на рис. 2. Как видно из этого рисунка, по данным за 2022–2023 гг. наибольший уровень неравенства возможностей наблюдается в Азербайджане, Молдове и Латвии, а наименьший – в Словении, Германии и Греции. Средний уровень в странах – членах Евросоюза $0,1225 \pm 0,0529$, в постсоветских странах – $0,2013 \pm 0,0722$, различия в

средних статистически значимы ($t = 2,951$; $p = 0,008$). По данным за 2016–2017 гг., наибольшее неравенство возможностей наблюдается в Молдове, Азербайджане и Эстонии, а наименьшее – в Польше, Узбекистане и Таджикистане.

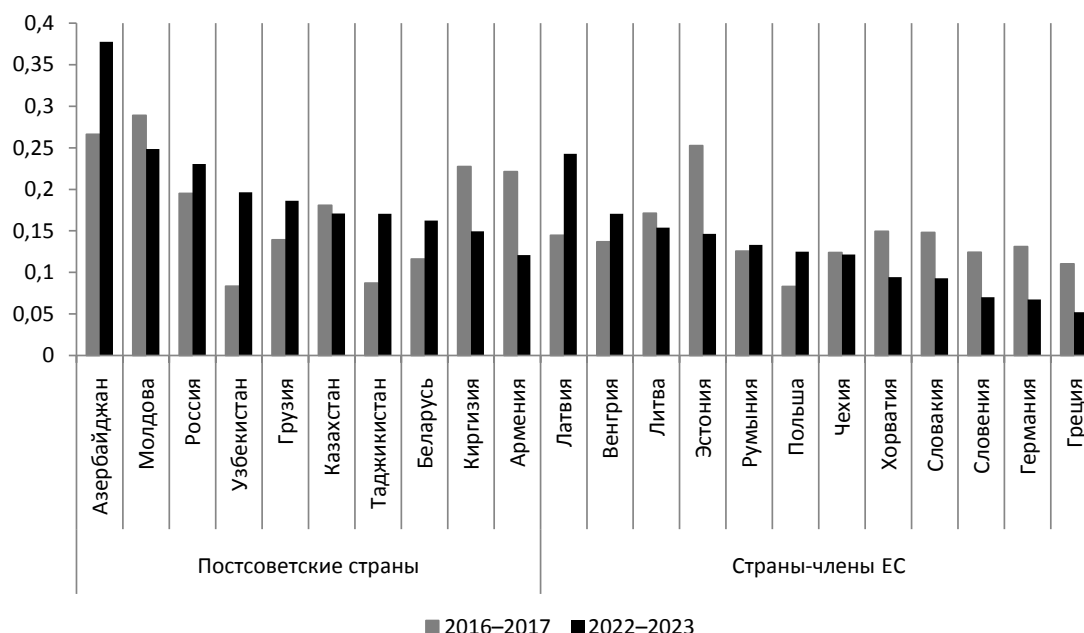

Рис. 2. Уровень неравенства возможностей, коэффициент

Источник: составлено авторами по данным *LiTS III* и *IV*.

Средний уровень в странах – членах Евросоюза $0,1418 \pm 0,0412$, в постсоветских странах – $0,1805 \pm 0,0724$, различия в средних статистически незначимы ($t = 1,502$; $p = 0,156$).

Также из данных рис. 2 видно, что в большинстве стран Евросоюза (кроме Латвии, Венгрии, Румынии и Польши) уровень неравенства возможностей сократился в динамике, т.е. за 2022–2023 гг. по сравнению с 2016–2017 гг. В постсоветских странах значительный рост неравенства возможностей наблюдался в Азербайджане, Узбекистане и Таджикистане, а значительное снижение – в Киргизии и Армении.

Из представленных выше данных видно, что и вторая гипотеза (H_2) также подтвердилась. Так, в частности, действительно по средним величинам выявлена тенденция роста «разрыва» между группами стран.

С 2022 г., с началом СВО, значительно усилилось санкционное давление на национальную экономику со стороны США и стран – членов ЕС. Поэтому можно считать, что период 2016–2017 гг. по сравнению с 2022–2023 гг. характеризовался для нашей страны относительно «мягкими» санкциями коллективного Запада. Как видно из рис. 1, в динамике для России наблюдалось снижение доли низкооплачиваемого наемного труда. Возможно, это стало следствием развития национального военно-промышленного комплекса страны, характеризующегося относительно высокооплачиваемыми рабочими местами. В то же время, согласно данным рис. 2, по России в динамике наблюдался некоторый рост уровня неравенства возможностей. А это, вероятнее всего, и стало следствием ужесточения санкционного давления на национальную экономику со стороны США и стран – членов ЕС.

Вклад факторов-обстоятельств в формирование неравенства возможностей представлен на рис. 3 и 4.

Как видно из этих рисунков, вклад факторов-обстоятельств в формирование неравенства возможностей значительно варьирует по странам. В большинстве постсоветских стран наблюдается значительный вклад образования родителей (Армения, Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия, Таджикистан и Узбекистан). При этом для стран – членов Евросоюза (Германия, Греция, Латвия, Польша, Словения и Словакия) наряду с образованием родителей также характерен и высокий вклад возраста.

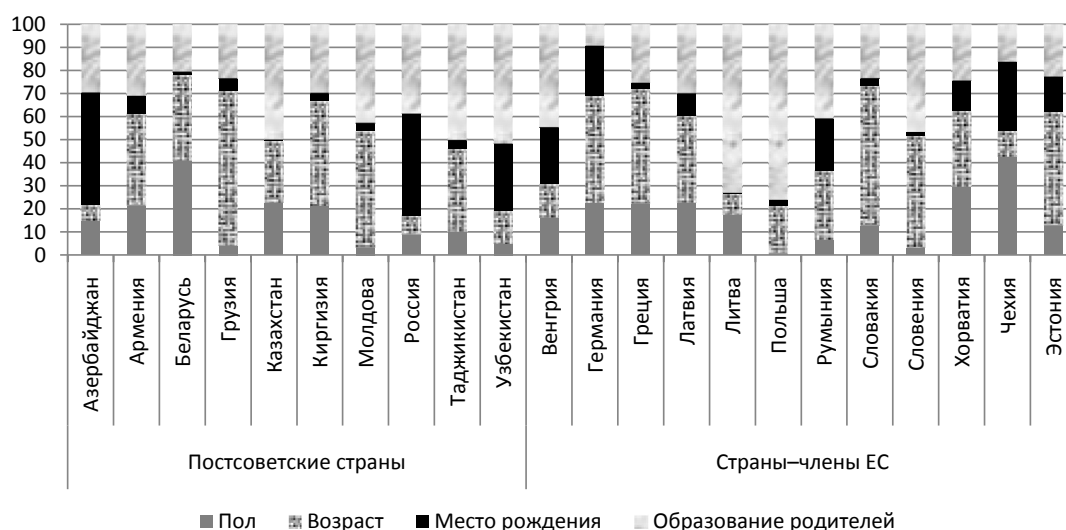
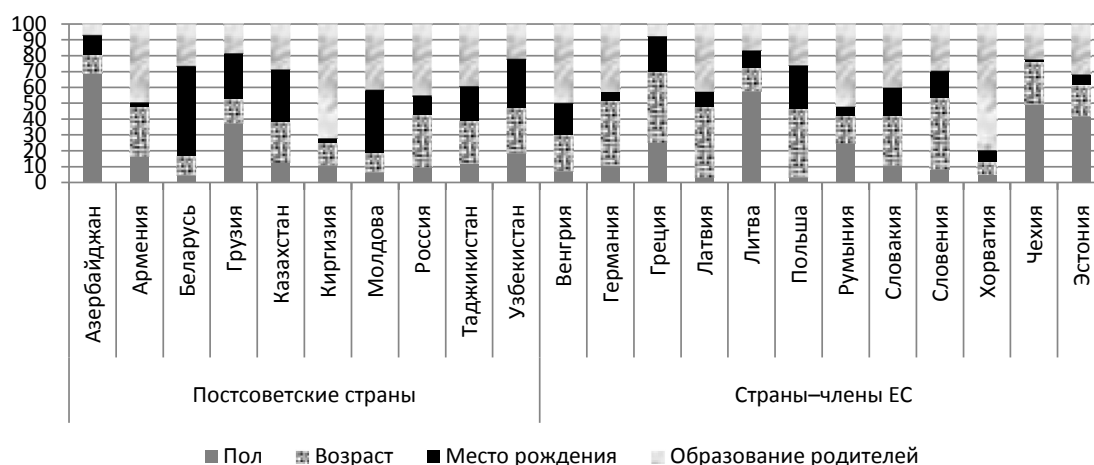

Рис. 4. Вклад факторов-обстоятельств в формирование неравенства возможностей (2022–2023 гг.), %
 Источник: составлено авторами по данным *LiTS IV*.

Для нашей страны в динамике произошли значительные изменения структуры вклада факторов-обстоятельств в формирование неравенства возможностей. В первый период (2016–2017 гг.) основной вклад в формирование неравенства возможностей по России вносило образование родителей наряду с возрастом. Во второй период (2022–2023 гг.) первостепенное значение приобретает место рождения, образование родителей отодвигается на второе место.

Заключение

Опираясь на труды российских и зарубежных ученых, а также на результаты собственного эмпирического исследования, можно сделать вывод о существенных межстрановых различиях в распространенности низкооплачиваемой занятости и в уровне неравенства возможностей в отношении попадания в сегмент низкооплачиваемого труда. В странах – членах ЕС средняя доля низкооплачиваемого наемного труда значительно ниже, чем в постсоветских странах. Из-за разнонаправленного изменения средних величин в динамике (за 2022–2023 гг. по сравнению с 2016–2017 гг.) наблюдалось увеличение разрыва между рассматриваемыми группами стран по этому показателю. Аналогичная ситуация сложилась и по уровню неравенства возможностей – в постсоветских странах наблюдается более высокий средний уровень показателя с тенденцией роста «отрыва» от стран-членов ЕС.

В целом важность анализа проблемы низкооплачиваемой занятости с позиций теории равных возможностей объясняется не только тем, что неравенство возможностей несправедливо, но также и тем, что оно общественно «вредно». Зависимость попадания в низко- или высокооплачиваемый сегмент занятости от неконтролируемых обстоятельств указывает на наличие институциональных барьеров, мешающих полной реализации человеческого потенциала. Это, в свою очередь, отрицательно сказывается на агрегированных экономических результатах, включая замедление темпов экономического роста и инновационного развития. Соответственно, на современном этапе экономического развития, характеризующегося возрастанием роли человеческого капитала в экономике, страны с низким уровнем неравенства возможностей получают значительные конкурентные преимущества. Это определяет актуальность как измерения неравенства возможностей, так и разработки социально-экономической политики, направленной на его снижение.

Литература / References

- Аникин В.А., Слободенюк Е.Д. (2021). Бедность работающих: как изменились детерминанты в России за 20 лет? *Социологическая наука и социальная практика* (4), 23–41. [Anikin, V., Slobodenyuk, E. (2021). In-work poverty in Russia: How determinants have changed over the 20 years? *The Journal Sociological Science and Social Practice* (4), 23–41 (in Russian)]. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8603
- Бобков В.Н., Вередюк О.В. (2021). Занятость и рынок труда: контуры дестандартизации. Академическая дискуссия на V Санкт-Петербургском международном форуме труда (Санкт-Петербург, 23 апреля 2021 г.). *Уровень жизни населения регионов России* 17(2), 271–285. [Bobkov, V., Veredyuk, O. (2021). Employment and labour market: contours of de-standardisation. Academic discussion at the V St. Petersburg international labour forum (St. Petersburg, April 23, 2021). *Living Standards of the Population in the Regions of Russia* 17(2), 271–285 (in Russian)]. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.2.11
- Гимпельсон В.Е., Капельюшников Р.И., Шарунина А.В. (2018). Низкооплачиваемые рабочие места на российском рынке труда: есть ли выход и куда он ведет? *Экономический журнал ВШЭ* (4), 489–530. [Gimpelson, V., Kapeliushnikov, R., Sharunina, A. (2018). Low paid jobs in the Russian labour market: Does exit exist and where does it lead to? *HSE Economic Journal* (4), 489–530 (in Russian)]. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-4-489-530
- Ибрагимова З.Ф., Франц М.В. (2021). Измерение неравенства возможностей в отношении доходов: структурированный обзор и метаанализ. *Прикладная эконометрика* 61(1), 89–109. [Ibragimova, Z., Frants, M. (2021). Measuring income opportunity inequality: A structural review and meta-analysis. *Applied Econometrics* 61(1), 89–109 (in Russian)]. DOI: 10.22394/1993-7601-2021-61-89-109
- Леонидова Г.В. (2022). Социально-трудовая сфера РФ: тенденции и риски формирования качества трудовой жизни. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз* 15(6), 182–198. [Leonidova, G. (2022). Social and labor sphere in the Russian Federation: Trends and risks in the formation of the quality of working life. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* 15(6), 182–198 (in Russian)]. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.11
- Пугачев А.А. (2023). Экономическое неравенство граждан за гранью средних показателей: проблемы диагностики в условиях его трансформации. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. (3), 141–158. [Pugachev, A. (2023). Economic inequality of citizens beyond averages: Assessment in the conditions of its transformation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* (3), 141–158 (in Russian).] DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.7
- Слободенюк Е.Д., Мареева С.В., Каравай А.В. (2023). Представления о неравенстве как фактор инвестиций в человеческий капитал: опыт эмпирического анализа. *Социологические исследования* (6), 29–41. [Slobodenyuk, E., Mareeva, S., Karavay, A. (2023). Perceptions of inequality as a factor of investments in human capital (An empirical analysis). *Sociological Studies* (6), 29–41 (in Russian)]. DOI: 10.31857/S013216250024234-0

- Тощенко Ж.Т. (2024). Жизненный мир как базовое понятие социологии жизни. *Социологические исследования* (7), 10–22. [Toshchenko, Zh. (2024). Life world as a basic concept of the sociology of life. *Sociological Studies* (7), 10–22 (in Russian)]. DOI: 10.31857/S0132162524070035
- Abras, A., Hoyos, A., Narayan, A., Tiwari, S. (2013). Inequality of opportunities in the labor market: Evidence from life in transition surveys in Europe and Central Asia. *IZA Journal of Labor & Development* 2, 7, 1–22. DOI: 10.1186/2193-9020-2-7
- Arneson, R. (1989). Equality and equal opportunity for welfare. *Philosophical Studies* 56(1), 77–93. DOI: 10.1007/BF00646210
- Bavaro, M., Raitano, M. (2024). Is working enough to escape poverty? Evidence on low-paid workers in Italy. *Structural Change and Economic Dynamics* 69, 495–511. DOI: 10.1016/j.strueco.2024.03.008
- Chávez-Juárez, F., Soloaga, I. (2015). *Scale vs. translation invariant measures of inequality of opportunity when the outcome is binary*. Rochester, NY: Social Science Research Network. DOI: 10.2139/ssrn.2226822
- Cohen, G. (1989). On the currency of egalitarian justice. *Ethics* 99(4), 906–944. DOI: 10.1086/293126
- de Barros, P., Ferreira, F., Vega, J., Chanduvi, S. (2009). *Measuring inequality of opportunity in Latin America and the Caribbean*. Washington DC: The World Bank. DOI: 10.1007/s10888-010-9151-2
- Dworkin, R. (1981a). What is equality? Part 1: Equality of welfare. *Philosophy and Public Affairs* 10(3), 185–246.
- Dworkin, R. (1981b). What is equality? Part 2: Equality of resources. *Philosophy and Public Affairs* 10(4), 283–345.
- Ferreira, F., Peragine, V. (2015). *Equality of opportunity: Theory and evidence*. World Bank Policy Research Working paper № 7217. DOI: 10.1596/1813-9450-7217
- Mussida, Ch., Sciulli, D. (2025). Low-pay work and the risk of poverty: a dynamic analysis for European countries. *The Journal of Economic Inequality* 23, 1173–1196. DOI: 10.1007/s10888-025-09666-9
- Nightingale, M. (2019). Looking beyond average earnings: Why are male and female part-time employees in the UK more likely to be low paid than their full-time counterparts? *Work, Employment and Society* 33(1), 131–148. DOI: 10.1177/0950017018796471
- Rawls, J. (1971). *Theory of Justice*. Cambridge: Harvard University Press.
- Schultz, M. (2019). The wage mobility of low-wage workers in a changing Economy, 1968 to 2014. *RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences* 5(4), 159–189. DOI: 10.7758/rsf.2019.5.4.06

Приложение 1
Описательная статистика по данным за 2022–2023 гг.

Страна	Пол, %		Возраст, %				Максимальный уровень образования родителей, %				Место рождения, %	
	муж.	жен.	меньше 35 лет	35–44 года	45–54 лет	больше 55 лет	среднее общее и ниже	общее полное	выше среднего	высшее и выше	город	село
Постсоветские страны												
Армения	38,82	61,18	21,94	22,36	21,1	34,6	56,12	11,81	31,65	0,42	63	37
Азербайджан	66,67	33,33	41,37	23,51	22,02	13,1	43,45	19,05	32,44	5,06	50	50
Беларусь	41,05	58,95	35,79	30,53	23,33	10,35	30,35	4,91	13,68	51,05	77	23
Грузия	37,25	62,75	25,84	23,83	19,13	31,21	40,27	2,68	54,36	2,68	54	46
Казахстан	39,87	60,13	33,12	35,79	21,35	9,73	30,93	6,12	18,21	44,74	55	45
Киргизия	50,22	49,78	34,22	25,78	22,67	17,33	28	8,89	49,33	13,78	32	68
Молдова	40,17	59,83	24,45	26,2	20,96	28,38	17,9	46,29	27,95	7,86	31	69
Россия	38,25	61,75	31,34	32,28	25,75	10,63	46,46	7,65	24,25	21,64	74	26
Таджикистан	43,97	56,03	23,35	32,68	25,29	18,68	48,25	12,84	29,57	9,34	27	73
Узбекистан	46,67	53,33	36,14	30,53	26,32	7,02	32,63	1,75	31,23	34,39	44	56
Среднее по группе:	44,29	55,71	30,76	28,35	22,79	18,10	37,44	12,20	31,27	19,10	51	49
Страны Евросоюза												
Венгрия	46,52	53,48	23,26	26,62	30,7	19,42	17,99	48,68	29,98	3,36	81	19
Германия	55,7	44,3	25,14	26,94	24,05	23,87	7,59	30,92	59,67	1,81	45	55
Греция	50	50	32,77	23,41	26,22	17,6	17,42	50,37	29,96	2,25	71	29
Латвия	39,25	60,75	27,15	19,89	22,04	30,91	32,8	23,12	17,47	26,61	73	27
Литва	41,21	58,79	36,68	20,6	17,09	25,63	54,02	15,33	7,29	23,37	75	25
Польша	45,35	54,65	28,25	25,65	27,88	18,22	15,99	45,35	34,2	4,46	66	34
Румыния	45,3	54,7	31,19	31,68	25,99	11,14	16,83	21,53	53,22	8,42	63	37
Словакия	52,99	47,01	14,67	27,99	30,98	26,36	14,13	9,78	72,55	3,53	60	40
Словения	47,69	52,31	22,56	27,18	28,21	22,05	18,72	22,05	59,23	–	71	29
Хорватия	45,51	54,49	26,96	26,96	22,32	23,77	18,55	19,13	62,32	–	77	23
Чехия	54,71	45,29	27,18	27,18	23,8	21,85	21,67	2,13	74,6	1,6	72	28
Эстония	47,77	52,23	18,83	23,08	25,3	32,79	37,45	22,27	23,89	16,4	68	32
Среднее по группе:	47,67	52,33	26,22	25,60	25,38	22,80	22,76	25,89	43,70	8,35	69	32

Примечание: – означает, что в выборке данной страны отсутствуют респонденты с соответствующим признаком, либо его доля составляет менее 0,05%.

Источник: составлено авторами по данным *LiTS IV*.

Описательная статистика по данным 2016–2017 гг.

Приложение 2

Страна	Пол, %		Возраст, %				Максимальный уровень образования родителей, %				Место рождения, %	
	муж.	жен.	меньше 35 лет	35–44 года	45–54 лет	больше 55 лет	среднее общее и ниже	общее полное	выше общего полного и ниже высшего	высшее и выше	город	село
Постсоветские страны												
Армения	42,12	57,88	30	19,7	19,09	31,21	24,55	19,39	23,64	32,42	61	39
Азербайджан	73,76	26,24	39,94	29,45	18,37	12,24	14,87	13,41	47,81	23,91	47	53
Беларусь	44,91	55,09	32,47	30,05	25,04	12,44	26,98	7,11	28,11	37,8	69	31
Грузия	37,7	62,3	23,93	23,61	21,31	31,15	45,9	10,49	32,13	11,48	60	40
Казахстан	40,29	59,71	34,05	28,16	24,06	13,73	24,96	16,76	29,95	28,34	43	57
Киргизия	48,72	51,28	39,42	24,68	20,83	15,06	21,47	19,87	35,58	23,08	37	63
Молдова	49,29	50,71	28,57	23,57	26,07	21,79	17,5	39,64	27,86	15	38	62
Россия	37,41	62,59	36,8	30,62	20,06	12,52	34,39	11,76	22,32	31,52	71	29
Таджикистан	56,73	43,27	38,68	28,94	21,2	11,17	27,79	18,62	40,69	12,89	14	86
Узбекистан	60,36	39,64	34,72	27,46	25,91	11,92	28,76	15,54	32,38	23,32	38	62
Среднее по группе:	49,13	50,87	33,86	26,62	22,19	17,32	26,72	17,26	32,05	23,98	48	52
Страны Евросоюза												
Венгрия	51,96	48,04	26,1	27,02	24,71	22,17	7,39	50,35	34,18	8,08	81	19
Германия	58,77	41,23	38,9	28,33	21,56	11,21	25,16	39,32	19,24	16,28	57	43
Греция	48,1	51,9	30,03	33,24	27,41	9,33	10,2	62,68	24,78	2,33	73	27
Латвия	42,5	57,5	28,85	21,54	21,92	27,69	30,77	22,5	14,81	31,92	76	24
Литва	44,17	55,83	29,74	15,65	27,13	27,48	34,78	35,3	15,3	14,61	59	41
Польша	43,14	56,86	35,43	29,71	19,43	15,43	14,57	14,57	64,57	6,29	61	39
Румыния	48,46	51,54	29,74	37,69	22,31	10,26	14,87	43,59	18,72	22,82	70	30
Словакия	43,93	56,07	24,53	27,1	25,47	22,9	7,94	55,37	35,98	0,7	82	18
Словения	54,05	45,95	25,72	31,5	29,48	13,29	10,4	54,62	30,35	4,62	84	16
Хорватия	47,51	52,49	32,1	24,95	26,9	16,05	19,52	44,03	35,14	1,3	87	13
Чехия	45,36	54,64	26,44	28,72	24,34	20,49	9,98	53,59	35,9	0,53	85	15
Эстония	41,22	58,78	21,74	19,65	25,74	32,87	24,87	29,57	16,52	29,04	67	33
Среднее по группе:	47,43	52,57	29,11	27,09	24,70	19,10	17,54	42,12	28,79	11,54	74	27

Источник: составлено авторами по данным LiTS III.

Приложение 3
Результаты регрессионного анализа для постсоветских стран по данным за 2022–2023 гг.

Факторы-обстоятельства	Азербайджан	Армения	Беларусь	Грузия	Казахстан	Киргизия	Молдова	Россия	Таджикистан	Узбекистан
Константа	0,103	-1,027***	-1,499***	-1,005***	-1,274***	-0,631**	-1,248***	-1,469***	-0,864***	-1,255***
Пол – женский	0,302*	0,240	0,463***	0,108	0,231**	0,238	-0,101	0,273**	0,234	0,094
Возраст 35–44	0,072	0,062	-0,237	0,091	0,192	-0,492**	0,470	-0,070	0,079	0,139
45–54	-0,119	-0,006	0,006	0,379	0,340**	-0,054	0,658**	0,083	0,143	0,264
> = 55	0,460*	0,302	0,652***	0,636***	0,251	-0,271	0,987***	0,054	0,537**	0,043
Место рождения – село	-0,816***	0,070	0,006	0,037	-0,129	0,007	-0,446**	0,689***	-0,152	0,344**
Образование родителей среднее общее и ниже	-0,734***	0,134	0,652**	-0,011	0,678***	0,453	0,666**	0,770***	0,198	0,641
общее полное	0,413**	0,222	0,298	0,164	0,623***	0,262	0,238	0,292*	0,437**	0,536**
выше общего полного и ниже высшего	-0,128	-3,854	0,236	-0,578	0,459***	0,002	-0,021	0,617***	-0,208	0,566***
Pseudo R ²	0,255	0,041	0,131	0,073	0,080	0,052	0,165	0,165	0,071	0,085

Примечание: *** – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$; * – $p < 0,1$. Базовые категории: пол – мужской, возраст – менее 35 лет, место рождения – город, образование родителей – высшее и выше.

Источник: составлено авторами по данным *LiTS IV*.

Приложение 4
Результаты регрессионного анализа для стран-членов ЕС по данным за 2022–2023 гг.

Факторы-обстоятельства	Венгрия	Германия	Греция	Латвия	Литва	Польша	Румыния	Словакия	Словения	Хорватия	Чехия	Эстония
Константа	-2,201***	-1,684***	-1,946***	-1,872***	-1,952***	-6,110	-1,465***	-1,444***	-1,814***	-1,835***	-1,413***	-1,372***
Пол – женский	0,415**	0,400*	0,289	0,535***	0,395**	-0,033	0,112	0,214	0,069	0,385*	0,439***	0,228
Возраст 35–44	0,063	-1,002***	-0,101	-0,183	0,142	0,393	0,276	-0,543*	-0,474*	0,261	-0,111	-0,167
45–54	-0,173	-0,619**	-0,763**	0,110	0,310	0,353	0,062	-0,431	-0,182	-0,444	-0,053	-0,139
> = 55	0,196	-0,498*	0,035	0,573**	0,203	0,672*	0,237	-0,013	0,001	-0,034	0,158	0,427*
Место рождения – село	0,558***	0,507**	0,087	0,114	-0,021	-0,145	0,209	0,022	-0,004	0,189	-0,541***	0,268*
Образование родителей среднее общее и ниже	0,958***	-0,269	0,398	0,757***	0,588**	4,708	0,673**	0,340	0,571	0,559	1,415***	0,147
общее полное	0,513	-0,122	0,075	0,592**	1,197***	3,836	0,340	0,430	0,667**	0,156	0,061	-0,182
выше общего полного и ниже высшего	-3,731	0,396	-3,573	0,349	0,726***	-0,075	0,249	-3,878	0	0	0,299	-0,171
Pseudo R ²	0,174	0,131	0,076	0,208	0,137	0,203	0,065	0,071	0,050	0,090	0,124	0,104

Примечание: *** – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$; * – $p < 0,1$. Базовые категории: пол – мужской, возраст – менее 35 лет, место рождения – город, образование родителей – высшее и выше.

Источник: составлено авторами по данным *LiTS IV*.

Приложение 5
Результаты регрессионного анализа для постсоветских стран по данным за 2016–2017 гг.

Факторы–обстоятельства	Азербайджан	Армения	Беларусь	Грузия	Казахстан	Киргизия	Молдова	Россия	Таджикистан	Узбекистан
Константа	-2,084***	-1,271***	-1,511***	-1,234***	-1,350***	-0,956***	-1,679***	-1,297***	-1,323***	-0,732***
Пол – женский	1,489***	0,293*	0,137	0,431**	0,213*	-0,184	0,354**	0,178	-0,087	0,156
Возраст 35–44	0,048	0,114	0,027	0,234	-0,041	-0,042	0,166	0,056	0,123	-0,187
45–54	-0,120	-0,122	0,195	0,142	0,307**	-0,315	-0,079	0,208	0,252	0,039
> = 55	0,252	-0,614***	0,019	0,199	-0,366*	0,161	0,177	0,576***	0,144	-0,110
Место рождения – село	-0,155	-0,145	0,521***	0,273*	0,400***	0,083	0,666***	0,155	0,305	0,187
Образование родителей	0,219	1,019***	0,485*	0,263	0,613***	0,936***	0,801***	0,563***	0,236	0,102
среднее общее и ниже										
общее полное	0,632**	0,952***	0,034	0,212	0,302*	0,643***	0,448	0,598***	0,260	0,033
выше общего полного и ниже высшего	0,205	0,504**	-0,080	-0,044	0,120	0,139	-0,067	0,367***	0,137	-0,136
Pseudo R ²	0,328	0,138	0,077	0,057	0,104	0,115	0,187	0,106	0,027	0,019

Примечание: *** – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$; * – $p < 0,1$. Базовые категории: пол – мужской, возраст – менее 35 лет, место рождения – город, образование родителей – высшее и выше.

Источник: составлено авторами по данным LiTS III.

Приложение 6
Результаты регрессионного анализа для стран – членов ЕС по данным за 2016–2017 гг.

Факторы–обстоятельства	Венгрия	Германия	Греция	Латвия	Литва	Польша	Румыния	Словакия	Словения	Хорватия	Чехия	Эстония
Константа	-5,776	-0,739***	-0,819***	-1,229***	-1,221***	-1,894***	-1,207***	-1,480***	-1,583***	-1,240***	-1,997***	-2,000***
Пол – женский	0,139	0,231	0,218	-0,038	0,552***	0,025	-0,246	0,286	0,218	0,126	0,538***	0,748***
Возраст 35–44	0,302	-0,553***	-0,190	0,062	0,113	0,290	-0,328*	-0,404	-0,809**	-0,365*	0,119	0,013
45–54	-0,043	-0,449**	-0,475**	-0,113	0,125	0,275	-0,309	-0,146	-0,083	-0,243	0,351*	-0,164
> = 55	0,039	-0,341	-0,345	0,384**	0,099	0,544*	-0,450	0,290	0,350	-0,307	0,450**	0,208
Место рождения – село	0,348*	-0,165	0,284	0,015	0,126	0,233	0,011	0,357*	-0,831**	0,139	-0,075	0,064
Образование родителей	4,766	0,034	0,033	0,550***	0,252	0,388	0,823***	0,256	0,562	0,762***	0,489*	0,940***
среднее общее и ниже												
общее полное	4,454	-0,509**	-0,091	0,456**	0,011	0,330	0,819***	-0,421	0,121	0,187	0,278	0,609***
выше общего полного и ниже высшего	4,026	-0,775***	-0,301	0,457***	0,021	-0,111	0,440	-3,730	-3,997	1,310**	0,807	0,688***
Pseudo R ²	0,109	0,106	0,043	0,075	0,080	0,056	0,067	0,153	0,148	0,083	0,084	0,191

Примечание: *** – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$; * – $p < 0,1$. Базовые категории: пол – мужской, возраст – менее 35 лет, место рождения – город, образование родителей – высшее и выше.

Источник: составлено авторами по данным LiTS III.